

земли в сочувствии ее острой, как жалящий укус скорпиона, боли. Этот “крик”, это скорпионье жало поэт принимает сквозь сон, крик продолжает тревожить его и во время бодрствования, торча над городом “черной вилкой”. Крик отражает больную для Пастернака тему оскорбленной женщины:

...И женщиною оскорбленной,
Быть может, издан был вдали.

Тема эта находится и в центре романа в стихах “Спекторский”, над которым поэт в это время, в 1928 г., продолжает работать [5]. И.П. Смирнов в образах второй редакции “Венеции” находит связь с Петербургом Достоевского и с его темой женского страдания [6, с. 37]. Добавим, что в романе Достоевского сон о скорпионе, открывая предсмертную исповедь Ипполита, указывает на тему обостренного восприятия трагизма человеческого существования, тему границы жизни и смерти. И в “Паломничестве Чайльд Гарольда” Байрона – также, как отмечено И.П. Смирновым, перекликающимся с “Венецией” 1928 г. [6, с. 39] – образ скорпиона призван передать изначально присущее жизни страдание, страдание как свойство жизни. Таким образом, трезубец, вилка скорпиона в стихотворении 1928 г. – указание на момент катарсиса, вызванного восприятием земного страдания, трагизма человеческого бытия как такового, то есть трагизма действительности.

Воздух, небо – пространство творчества в книге “Близнец в тучах” – в 1928 г. уже не отражает тему творчества для Пастернака. В трех стихотворениях, включенных в лирический цикл “Начальная пора” из тех, что не входили в “Близнец в тучах” (“Февраль. Достать чернил и плакать...”, “Как бронзовой золой жаровень...”, “Сегодня мы исполним грусть его...”), творчество настойчиво связывается с пространством земли, преимущественно весенним. “Миры расцветшие” теперь “вровень” со свечой, а сад на одном уровне с небом. “Лавок сумрак”, “подъезд”, “друзья” – город с его крышами, домами и доходными отраслями становится теперь пространством творчества, способным “исполнить грусть” поэта.

4. НАЙДЕНЬШ

В книге стихов Пастернака “Близнец в тучах” присутствует тема трагической гибели. М.Л. Гаспаров подчеркивает наличие этой темы в стихотворениях “Близнец на корме” и “Пиршества” [1, с. 221]. К.М. Поливанов отмечает в стихотворении “Хор” аллюзию на прометеевский сюжет эсхиловой трагедии [7, с. 52–54].

Если исходить из ключевого стихотворения “Близнецы”, из мифа, положенного в основу взаимоотношений “сердец” и “спутников”, тема

смерти должна влиться в тему творческого бессмертия. Образы близнецов, появляясь в стихотворениях “Близнецы”, “Близнец на корме”, “Зима”, отражают переход творца в мир бессмертия, или, иначе, творчества.

Творчество в “Близнеце в тучах” часто изображается через сон. В стихотворении “Пиршества” – через опьянение (отсюда и тема вина в стихотворении “Я рос, меня, как Ганимеда...”). Порыв к творчеству напоминает тяжелую болезнь, беспмятство в стихотворении “Зима”:

...Истерзавши рубашку вконец, –
Обнаженный, в поля, на свободу
Вырывается бледный близнец.

В процессе творчества поэт переходит в другое пространство. Сон, болезнь, опьянение передают уход от обыденной жизни.

В нескольких стихотворениях книги тема смерти возникает непосредственно. В стихотворениях “Близнецы” и “Близнец на корме” бессмертие и смерть – почти равнозначные, близкие понятия. Дежурство бессмертного брата в качестве звезды изображается в стихотворении “Близнецы” как мучительное бдение:

И коченеющий Близнец граничит
С твоею мукой, стерегущий Кастор.

В примыкающем к “Близнецам” тематически и в пространстве книги стихотворении “Близнец на корме” лирический герой только мечтает о предстоящем бессмертии:

Как топи укрывает рдест,
Так никнут над мечтою веки...
Сородичем попутных звезд
Уйду однажды и навеки.

Он – на пути к бессмертию; он – как бы один из близнецов, временно пребывающий в Аиде: в “зловещей полутьме”, вдыхая “залетейские миазмы”, он видит отражение дрожащей звезды на корме. Эта звезда – бессмертный брат, к которому стремится лирический герой:

Тогда в зловещей полутьме,
Сквозь залетейские миазмы,
Близнец мне виден на корме,
Застывший в безвременной астме.

Что астма связана в контексте лирики Пастернака с дрожью, подтверждается стихами из сборника “Сестра моя – жизнь”:

Как ночь, уставшую сиять,
Как то, что в астме – кисея,
Как то, что даже антресоль
При виде плеч твоих трясло.